

DOI 10.15393/j9.art.2017.4722

УДК 821.161.1.09

Ольга Валерьевна Закутняя*Институт космических исследований Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)*

olgazakut@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЖАНРА «ПРАВДИВОЙ ИСТОРИИ ДЕДА МОРОЗА» А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК

Аннотация. «Правдивая история Деда Мороза» в основе своей — попытка соединить популярное изложение истории страны для детей и подростков с художественным повествованием. Основой для последнего служат элементы так называемой календарной прозы: рождественского и святочного рассказов. Используя внешние атрибуты такой прозы (например, приуроченность действия к определенному времени года) и ассимилируя ее ценностные установки (приоритет дома и семьи), авторы создают внутренне непротиворечивый «миф» о главном новогоднем персонаже, который становится связующим звеном поколений. В «Правдивой истории...» происходит эволюция трактовки основных элементов календарной прозы. Главным событием в начале повести становится чудо преображения героя, обыкновенного человека, в волшебника Деда Мороза — дарителя подарков и исполнителя желаний. Вместе с тем в «Правдивой истории...» почти не используется мотив помощи бедным и обездоленным, столь распространенный в рождественском рассказе XIX — начала XX вв., что позволяет говорить об эволюции содержательного плана этого вида прозы. В результате исследования «Правдивую историю...» можно отнести к жанру новогодней сказочной повести, совмещающему элементы малой календарной прозы и большого романа.

Ключевые слова: жанр, сказка, повесть, календарная проза, рождественский рассказ, святочный рассказ, новогодняя сказка

«Правдивая история Деда Мороза», как отмечается в аннотации к книге, «соединяет в себе волшебную сказку и рассказ о реальной истории России в XX веке. Она адресована детям 8–12 лет, тем, кто еще не расстался окончательно с верой в новогоднее чудо, но уже готов узнавать правду о жизни и истории своей страны»¹. Данное краткое описание произведения вполне отражает его суть.

Авторы книги — современные писатели Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак, совместно создавшие уже около двух десятков произведений и продолжающие работу в тандеме².

В «Правдивой истории Деда Мороза» излагается «авторская версия» происхождения Деда Мороза как главного новогоднего персонажа, дарителя подарков и исполнителя желаний, по преимуществу детских. Кроме того, писатели в этой книге воплотили свое намерение рассказать детям о реальных событиях истории России с начала XX века³.

«Авторский миф» можно рассматривать в контексте становления Деда Мороза как главного персонажа Нового года в России. Следует отметить, что «история Деда Мороза» в российской культуре сложна. Так, исследовательница Е. В. Дущечкина относит оформление этого образа в качестве главного персонажа праздника Рождества и Нового года к началу прошлого столетия: «...он функционирует как игрушка на елке, главная фигура, стоящая под елкой, рекламная кукла на витринах, персонаж детской литературы, маскарадная маска, даритель елки и подарков. В это время и утверждается мнение об “исконности”, древности этого образа» [2, 356].

Примерно с того же периода берут начало события «Правдивой истории Деда Мороза» — с Рождества в декабре 1911 года. Повествование продолжается до декабря 2013 года⁴.

Главные герои произведения, инженер-путеец Сергей Иванович Морозов и его жена Маша, бездетны, живут в Петербурге и в один из дней перед Рождеством во время прогулки по городу попадают под чудесный снегопад. Он превращает супругов в волшебников. С этих пор две недели в году они могут исполнять желания людей во время рождественских или, позже, новогодних праздников. При этом они не стареют, но — опять же, на время праздников — могут превращаться в настоящего (пожилого) Деда Мороза и молодую девушку, его спутницу и помощницу — Снегурочку.

Дар исполнять желания имеет «срок годности» — пятьдесят лет. По их истечении его надо «обновить» — вернуться в тот же переулочек и снова попасть под чудесный снегопад. Этот снегопад организуют птёрки и охли — маленькие волшебные существа, плод фантазии Сергея Ивановича, которые

в праздничные дни «работают» разносчиками подарков и исполнителями желаний. Функция же Деда Мороза заключается в том, чтобы понять, какой именно подарок хочет ребенок получить, и представить это себе, а остальное сделают его маленькие помощники.

Сюжет развивается последовательно. Книга разделена на несколько глав или фрагментов, «приуроченных» к тем годам, которые имели особенное значение для истории страны: 1911, 1912, 1913, 1914 (без елки), 1916, 1920 (без праздника и Деда Мороза), 1935, 1936, 1941⁵, 1962, далее идет фрагмент под заголовком «Пятьдесят лет подряд» (отметим, что перестройка и путч как «факты биографии» страны отсутствуют, хотя в данной главе немного говорится о реалиях того периода), 2011, 2012.

Основные события, о которых рассказывается подробно, приходится чаще всего на период новогодних праздников. Это не позволяет отнести «Правдивую историю Деда Мороза» прямо к жанру рождественского рассказа, но дает возможность выявить, что именно из художественных особенностей рождественского и / или святочного рассказов было заимствовано авторами (вольно это было сделано или невольно — это уже другой вопрос).

В. Н. Захаров отмечал, что «литературное значение Рождества давно признано и писателями, и читателями: есть свой круг авторов и есть жанр “рождественского рассказа”. У нас его часто смешивают со “святочным рассказом”, хотя очевидно, что это не одно и то же, тем более что исконно западноевропейский “рождественский рассказ” и русский “святочный рассказ” говорят о разном: один — о христианских заповедях и добродетелях, другой — об испытании человека Злым Духом. Хронологическое совпадение — а оба жанра приурочены к Рождеству — имело свои последствия: русский святочный рассказ усвоил кое-что из “рождественского”, но их национальная и конфессиональная почва различна» [4, 249].

Главное, что унаследовала «Правдивая история...» от рождественского рассказа, — «ценностное ядро»: «Рождество стало праздником семейным, праздником добрососедства, братского единения и милосердного отношения друг к другу»

[6, 114]. Семья и домашний уют составляют одну из важных ценностей в произведении. На протяжении повествования настойчиво подчеркивается необходимость восстановить утраченную «связь времен», последовательно соединив до-революционную традицию празднования Рождества без Деда Мороза, советский период истории, когда функции Рождества перенял Новый год, став по преимуществу детским праздником, и современную традицию празднования и Нового года, и Рождества.

Заметим, что решению этой задачи способствуют оформление и иллюстрации книги. К концу 2017 года она выдержала уже несколько переизданий, часть из них была выполнена в увеличенном формате и, помимо текста, включала обширный иллюстративный и справочный материал «на полях»: пояснения исторических реалий, «интерактивные иллюстрации», рецепты праздничных блюд и инструкции для создания новогодних игрушек, взятые из пособий того исторического периода, о котором идет речь на соответствующих страницах⁶.

Таким образом, книга для семейного чтения (подтверждением тому служит обращение к читателю со словами: «Спроси родителей») становится еще и книгой для совместной деятельности (можно вместе разглядывать иллюстрации, делать елочные игрушки и др.), что способствует восстановлению связей между поколениями и утверждению семейных ценностей.

Как пишет О. И. Тиманова, ссылаясь на работу И. З. Сермана [7], применительно, правда, к рождественской (святочной) сказке XIX века, «приоритетное внимание отечественной литературной сказки к Рождеству, вопреки “пасхальному” типу восточно-христианской культуры, объясняется особым социокультурным статусом даты. Рождество — самый большой и едва ли не единственный праздник в году, сплывающий верующих и неверующих. <...> Успехом в русской “календарной” сказке Рождество обязано также семейному характеру действия — для жанровой семантики сказки обстоятельство первостепенное. Главный смысл всякого праздника заключается в осознании родственных связей с другими, в преодолении тьмы, хаоса, неполноты, диссонанса. Идеалом Рождества

является культ Очага, почитание Дома, что как нельзя более точно согласуется и с семантическим ядром “сказки о людях”. В сравнении с былиной, сказка изображает человека не “государственного”, а частного. Посредством наступления Чуда в ходе праздника избывается непорядок; потребность же в Чуде — отличительная черта русского менталитета и в целом, и в частности. В связи с этим категория Чуда вообще продуктивно работает в отечественной словесности XVII–XVIII вв., входит в структуру сознания человека средневековой Руси» [8, 29].

Если говорить о «Правдивой истории...» как о новогодней сказочной повести, то Чудо действительно становится способом восстановления порядка, а сотворение Чуда — естественным порядком вещей, например:

Она же ни в чем не сомневалась, и Сергей Иванович сразу успокоился. «Будет чудо, — подумал он, — несомненно будет!» (48).

Нет уж, есть вещи, о которых нельзя рассказывать даже со временем. Это было чудо. А чудеса разоблачать негоже! (118).

Постепенно из этого выкристаллизовывается своеобразная «формула праздника», который вначале был Рождеством, а потом превратился в Новый год⁷:

Послушай! Мы вернули детям праздник. Пусть они эту елку обзывают как хотят, пусть вешают на нее игрушечных пионеров и серпы-молоты, пусть читают стихи про коммунизм! Но у детей снова будет елка! А значит, *и подарки, и желания, и чудо* (курсив мой. — О. З.), понимаешь? Я тебе это еще в войну пыталась объяснить, но ты бы тогда не понял... Может быть, сейчас ты уже повзрослел? (124).

Показательно, что дети и взрослые в своем понимании мира как бы меняются местами. Более мудрыми оказываются дети, желающие верить в чудо несмотря ни на что. Сергей Иванович Морозов, отказавшийся быть Дедом Морозом, то есть исполнять желания после Первой мировой войны и революции, оказывается «подростком, вставшим в позу»:

взрослое отношение к жизни, в котором нет места чудесам, авторы отрицают.

Как уже было сказано, происходящие события относятся преимущественно к декабрю каждого описываемого года, когда зарождаются и проявляются традиционные черты праздников. 1935 год в этом отношении становится переломным. Именно в этом году 28 декабря в «Правде» появилась статья П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку», после которой празднование Нового года стало повсеместным и официально одобренным. В главе «Конец 1935 года» значения праздников Рождества и Нового года, где главным действующим лицом становится Дед Мороз, сливаются воедино.

Заметим, что в предыдущей главе «Тяжелый 1920 год» «связь времен» разрывается: Рождество уже не празднуют, Новый год еще не празднуют, и даже год, как выясняется в самом конце главы, на самом деле не 1920-й:

Рождества на сей раз не было. Был обычный декабрьский день. Вернее, даже январский — второй год страна жила по новому календарю (108).

25 декабря 1935 года Морозовы отмечают новоселье в тесном семейном кругу:

Если бы по старому стилю, то это было бы Рождество (т. е. по церковному календарю еще только 12 декабря. — О. З.). Сергей Иванович настолько воодушевился, что предложил поставить елку. Маша его поддержала, но затея, к сожалению, сорвалась — елку просто негде было взять! <...> Поэтому Маша ограничилась несколькими большими еловыми лапами <...> Сергей Иванович смотрел на то, как теперь уже внучатые племянники лопают «тетя-Машины» пирожки и усмехался в бороду. Все возвращается... (113–115).

Возвращается ощущение семейного уюта и тепла, но при этом происходит и обновление (новоселье) — таким образом, смысл праздника восстанавливается, время снова «связывается»: Рождество как бы передает свои права Новому году как празднику общения семьи и ожидания чуда. Показательно, что семантика обновления при этом практически утрачивается;

наоборот, принципиальным становится то, что Дед Мороз (и его спутница Снегурочка — преобразившаяся жена Сергея Ивановича Мария Владимировна Морозова) приходит неизменно каждый год, причем эта «неизменность» распространяется не только в будущее, но и в прошлое: «Как будто всегда так и было!» (139). Это можно считать своего рода отголосками «рождественского» рассказа: «Праздник Рождества мыслится и переживается как время-утопия, ежегодно повторяющаяся в жизни общества» [1, 48].

Примерно так же происходила ассимиляция праздника елки в России: «Если в начале 1830-х годов о ней еще говорилось как “о милой немецкой затее”, то в конце этого десятилетия она уже “входит в обыкновение” в домах петербургской знати, а в течение следующего становится в столице широко известной. В середине века из Петербурга, превратившегося в настоящий рассадник елки, она развозится по всей России...» [2, 83]⁸.

Однако у чуда есть свои границы, временные и онтологические. И если в самом начале сказочной повести говорится: «...что-то может не получиться, только если ты сам захочешь, чтоб у тебя что-то не получилось» (73), — то уже через несколько страниц читатель встречает «правду жизни» — Дед Мороз не в силах изменить такие вещи, как смерть и война:

Ты, Дед Мороз, очень хороший волшебник, но ты только волшебник, понимаешь? Не Господь Бог... В нашем, волшебном, мире, ты можешь все. <...> А вот с людьми... С людьми сложнее... (89).

Здесь образ Деда Мороза соотносится с миром сказки; таким образом, обнажается жанровая принадлежность произведения, и сказка открыто противопоставляется реальному миру:

— <...> Хочешь Русалочке ноги навсегда приделать — да сколько угодно! Хочешь? Чтоб Лиса Колобка выплюнула — да запросто! <...>

— А если бы папа был в вашей сказочной стране, вы бы смогли его оживить? <...>

— Оленька, если ты напишешь сказку, то его и оживлять не придется. Он и так будет жить... Но понимаешь, жить он будет только у нас, в нашей сказочной стране... (89)

Принципиальная «локальность» Деда Мороза обусловлена, как кажется, не только замыслом автора, но и «неподатливостью» материала — реальных исторических событий (речь ведь идет о «правдивой» истории Деда Мороза).

Эта неподатливость влияет и на сюжет и обуславливает эскапизм в повествовании, а главное — открытый финал, для сказки как таковой и рождественской или святочной повестей, в целом, все-таки нехарактерный.

Важным отличием «Правдивой истории...» от рождественского рассказа является отсутствие в тексте религиозного значения Рождества. Когда ему на смену приходит Новый год, то связи с христианством исчезают, поэтому данное произведение справедливо можно назвать новогодней сказочной повестью, по определению замкнутой. Как писал Е. М. Неёлов, «условность фольклорно-сказочной фантастики определяется уже тем, что слушатель или читатель всегда проводит четкую и однозначную границу (часто просто эмпирически) между чудесным миром волшебной сказки и миром бытовой и исторической реальности» [5, 102]. Это утверждение кажется справедливым и для литературной волшебной сказки.

Функции Господа Бога как устроителя чудес в рождественском рассказе переданы в повести Деду Морозу. На уровне сюжета Дед Мороз выполняет по преимуществу детские желания⁹. Желания взрослых упоминаются редко, а их исполнение не представляется чем-то чудесным или заставляет говорить скорее о злой иронии судьбы (так, племянница Сергея Ивановича хочет, чтобы ее мужа не арестовывали; это происходит, но только потому, что начальника мужа арестовали раньше). Исполнение желаний остается настоящим чудом только в детском мире.

В «Правдивой истории...» почти не затрагивается тема социального положения человека. В отличие от рождественского рассказа, здесь практически не говорится о неблагополучных персонажах: нищих, больных, инвалидах... (одно исключение — дети, родители которых погибли на войне). Семейный круг действительно становится опорой и убежищем

для героев, впрочем, этот круг защищает тех, кто волей судьбы не столкнулся с бóльшим — по сравнению с обществом в целом — горем или лишениями.

Несмотря на то, что история Деда Мороза развивается на фоне истории страны, он как будто все более и более отгораживается от нее. Более того, даже находясь внутри исторических реалий, Сергей Иванович Морозов оказывается неуязвим:

Он был настолько хорошим инженером, настолько знал и любил свое дело, что даже его непролетарское происхождение не портило ему жизнь. Видимо, он был очень хороший волшебник, потому что умудрился даже в эти годы не нажить себе врагов (142).

Тем не менее волшебный мир исключительно хрупок и связан с истечением «срока годности» Деда Мороза. Через пятьдесят лет после того, как супруги Морозовы попали под волшебный снегопад в Косом переулке в Петербурге, его действие прекращается. Чтобы его возобновить, надо прийти в то же место и снова оказаться под таким же снегом, который чудесным образом собирается над супругами. Первый раз это происходит в декабре 1911 г., второй раз — в декабре 1961 г. Накануне третьего обновления — в декабре 2011 г. — перед супругами возникают непредвиденные и, кажется, непреодолимые обстоятельства: Косой переулок реконструируется, и даже когда им удастся попасть за строительный забор, выясняется, что волшебную тучу «разогнали» обыкновенные метеоустановки по какому-то торжественному, но вполне «земному» поводу. Однако чудо обновления Деда Мороза происходит: вместо волшебного снега (стихии) супругов забрасывают сверкающими звездочками их чудесные помощники. Когда Сергей Иванович понимает, что не может стать Дедом Морозом, он тем не менее бросается исполнить желания детей, присланные ему в письмах, записках и по электронной почте. Помогают ему в этом современные технологии:

Морозов довольно быстро все организовал и придумал. Проще всего было с интернет-заказами. <...>

Доставить все получаемые электронные письма родителям детей было задачей очень трудоемкой, но вполне выполнимой. Те письма и записки, которые приходили обычной почтой, тщательно сортировались.

Частично, с посыльными охлями они отправлялись родителям, частично переправлялись в благотворительные организации (205).

Даже слово «желания» случайно или специально заменяется словом «заказы»: «Те заказы, которые они могли обработать, — капля в море» (205).

Такое описание могло бы подойти «конвейеру» по производству чудес и выполнению желаний (тема сборки подарков на фантастическом конвейере часто используется детской литературой и кинематографом), но кажется, что это довольно сильно диссонирует с тем смыслом праздника, который читатель встречал в начале книги. Изменение смысла праздника (от ожидания чуда к ожиданию только подарка) придает в целом счастливому финалу ощущение зыбкости. Эпилог книги, посвященный событиям декабря 2012 года, содержит короткий, но очень емкий диалог двух волшебных существ, которые желают друг другу, чтобы Дед Мороз был всегда и всегда в него верили. Однако существование птёрков и охлей обусловлено только тем, что их придумал Дед Мороз; существование же Деда Мороза оказывается поддержанным только птёрками и охлями, что лишний раз говорит о непрочности этого положения.

Птёрки и охли — это своего рода отсылка к традициям святочного рассказа, где одними из действующих персонажей являются представители «низового» мира, а в центре стоит мотив встречи и испытания злым духом. Но здесь эта встреча лишена семантики испытания — испытание героя, безусловно, есть, но оно имеет иной характер. Сама ограниченность чуда во времени также является признаком, указывающим на некую связь повести с жанром святочного рассказа.

Превращение Сергея Ивановича в Деда Мороза происходит в переулке с названием «Косой» («косой», как противоположный «прямому» и «правильному», возможно, указывает на то, что он, возможно, заведет героев куда-то, куда они не планировали попасть):

И чем глубже они входили в переулок, тем волшебнее становилось вокруг. Дома за кружевной завесой снегопада казались сказочными замками. Небо опустилось низко-низко, как свод огромной пещеры. И снег то ли падал с этого свода, то ли, наоборот,

летел вверх, как будто какой-то великан сдул пушинки с миллиона пышных одуванчиков (26).

Однако начавшееся приключение сопровождала не опасность, а скорее — ответственность; не случайно в конце книги Морозов желает своему возможному последователю, «чтобы у этого кого-то хватило сил и мудрости, чтобы правильно использовать свой дар» (209).

Помощниками Деда Мороза и организаторами волшебного снегопада выступают птёрки и охли, которых он придумал для игры со своими племянниками. Эти маленькие существа вначале появляются как нарисованные персонажи, которые оживают, когда Сергей Иванович превращается в волшебника Деда Мороза. Правда, являться людям они не могут — только Деду Морозу и только в то время, когда он выступает в этой роли, т. е. две недели перед Рождеством (или Новым годом) и столько же после него.

Сходство этих существ именно с представителями мира духов проявляется как во внешнем виде — они маленькие и хвостатые, — так и в поведении: они не прочь немножко похулиганить, хотя шалости их безобидны и скорее нужны, чтобы создать атмосферу семейного тепла и уюта. Это особенно важно для бездетной четы Морозовых:

Как она ни хорохорилась, каждый раз, когда видела, как расцветает ее муж, окруженный детьми, у нее начинало противно щемить сердце.

Так грустно было возвращаться в пустую и тихую квартиру!

Но в тот вечер все шло не так, как обычно. Квартира очень быстро перестала быть пустой и тихой. В ней появился гость (58).

Демоничность птёрков и охлей редуцирована почти полностью, хотя связь с первообразом все же прослеживается. Маша, глядя в глаза своего мужа, замечает, что они «вроде серьезные-серьезные, но иногда вдруг промелькнет в уголке какой-то чертик. А может, и не чертик, а птёрк или охля» (40).

Появление этих вымышленных персонажей (равно как и названия Косой переулочек) может быть объяснено выражением «память жанра» (термин М. М. Бахтина), имея в виду жанр святочного рассказа. Это придает повествованию некую

мистичность, загадочность, таинственность, но без связи с инфернальным миром¹⁰.

В своей человеческой ипостаси Сергей Иванович Морозов может выступить скорее как герой рождественского или святочного рассказа: это человек, которому недостает детей, и чудо рождественской / новогодней ночи для него состоит в том, что все дети страны становятся в каком-то смысле его детьми. Однако его же трагедия состоит в том, что он теряет связь со своими родственниками, которые стареют и умирают в то время, как Дед Мороз и Снегурочка остаются вечно молодыми. Именно здесь, как кажется, и находится та точка, где законы рождественского рассказа перестают действовать, а другие еще не начинают: повесть не выходит за границы сказки.

Итак, «Правдивая история Деда Мороза» активно взаимодействует с жанрами святочного и рождественского рассказа, и в большей степени именно с последним, поскольку развивает классические для него темы и мотивы. Однако в то же время повесть этому жанру и противоречит, или, возможно, не может быть полностью им определена. В результате «Правдивую историю...» следует отнести к новогодней сказочной повести — оригинальному жанру, совмещающему элементы, во-первых, малой календарной прозы, а во-вторых, большого романа. С рождественским рассказом ее объединяет прежде всего смысловое ядро, утверждение ценностей семьи и добра, однако религиозный подтекст в повести отсутствует. Среди признаков, связывающих новогоднюю повесть со святочным рассказом следует назвать присутствие в ней отдельных образов (волшебные помощники птёрки и охли), чудесных мест (Косой переулочек) и, возможно, сам принцип загадывания и исполнения желаний, а также сосредоточенность повествования преимущественно на времени новогодних праздников. Наконец, сама категория Чуда и ее основополагающее значение для сюжета (фактически речь идет о том, как Дед Мороз и Снегурочка распоряжаются этим чудом) утверждают сказочную основу повести. А тот факт, что события разворачиваются на фоне истории, размыкает сказочный финал и в каком-то смысле может служить дидактической моралью, свойственной многим произведениям для детей: что произойдет с Дедом Морозом дальше, зависит от воображения читателя.

Примечания

- ¹ [Аннотация к книге] // Правдивая история Деда Мороза: [6+] / Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак. 6-е изд., испр. Москва: Время, 2018. С. 4. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Список произведений писателей см., напр.: Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак — биография, книги, отзывы, цитаты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/author/102814-andrej-zhvalevskij-evgeniya-pasternak> (10.07.2017).
- ³ О том, что детско-подростковые книги — это способ общаться с детьми, говорят писатели:
— *Получается, вы пишете такую прикладную литературу.*
А. Конечно. Это такой способ общения с детьми. Потому что нотации читать или рассказывать, как правило, занятие бессмысленное, только нервы тратить.
Е. По детям видны их проблемы. Я смотрю на одноклассников дочки, и сразу понятно, про что писать, что в этом возрасте важно. (Белорусские писатели Евгения Пастернак и Андрей Жвалевский: «Мы сами еще не вышли из подросткового возраста» // Комсомольская правда. 2012. 12 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.by/daily/25867.4/2832398/> (10.07.2017)).
- ⁴ Интересно, что фактически речь шла о будущем: первое издание книги вышло в 2009 году. Можно предположить, что для календарной прозы не так уж важно, идет ли речь о прошлом или будущем: повторяющийся праздник выступает как своего рода «вечное настоящее».
- ⁵ Глава называется «Очень страшный 1942 Новый год», но, по сути, речь идет о событиях конца декабря 1941 года — первой блокадной зимы.
- ⁶ Например, издание: Жвалевский А., Пастернак Е. Правдивая история Деда Мороза / [илл. Виктора Бритвина, Ольги Муратовой]. М.: Лабиринт Пресс, 2016. 126 с.
- ⁷ Отметим, что «возвращение» Нового года как определенного календарного праздника — «заменителя» Рождества — происходит также по желанию ребенка, который захотел увидеть такую же елку, как его родители.
- ⁸ Замечательно, что в этой авторской сказке местом, откуда Дед Мороз начал свое «победное шествие» по стране также становится Петербург, как это, в общем, и было на самом деле: «До революции представление о Деде Морозе существовало только в городской среде...» [2, 356].
- ⁹ «Не случайно литературная сказка — по преимуществу детская сказка» (см.: [5, 103]).

- ¹⁰ Позднее А. Жвалевский и Е. Пастернак написали серию коротких рассказов про птёрков и охлей («Рассказы о птёрках и охлях»), в которых развивается линия волшебных существ и их отношений с действительностью. Выясняется, например, что не Дед Мороз придумал их, а они Деда Мороза.

Список литературы.

1. Александров Л. Г. От святочного к рождественскому рассказу: эволюция загадочных мотивов в русском журнальном «новогоднем сюжете» // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2009. — № 2. — С. 44–49.
2. Душечкина Е. В. Русская елка: История. Мифология. Литература. — СПб.: Норинт, 2002. — 414 с.
3. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. — СПб.: Издат. отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. — 256 с.
4. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3. — С. 249–261 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (10.07.2017).
5. Неёлов Е. М. Еще раз о жанровой специфике фантастической литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. — 2008. — № 1 (91). — Июнь. — С. 100–105.
6. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. — Вып. 2: Художественные и научные категории. — С. 113–127 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2365> (10.07.2017).
7. Серман И. З. Чудо и его место в исторических представлениях XVII–XVIII вв. // Русская литература. — 1995. — № 2. — С. 104–114.
8. Тиманова О. И. Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX в. // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 315. — С. 28–35.
9. Лелявская М. Г. Рождество и Новый год в детских книгах русских писателей XIX–XXI вв. // Мировая словесность для детей и о детях. 20-я Всероссийская конференция. — 2016. — Вып. 22. — С. 126–133.

Olga V. Zakutnyaya

Space Research Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olgazakut@gmail.com

THE PROBLEM OF THE GENRE
OF "THE TRUE STORY OF OLD MAN FROST"
BY A. ZHVALEVSKY AND E. PASTERNAK

Abstract. "The True Story of Old Man Frost" is basically an attempt to combine a popular description of the history of the country for children and teenagers with artistic narrative; the basis for the latter are the elements of the so-called prose calendar: Christmas and yuletide stories. Using the external attributes of such prose (e. g., the action coincides with a certain time of the year) and adopting its values (the priority of home and family), the authors create internally consistent "myth" of the main new year's character who becomes a connecting link between generations and a sign of the harmony in society. At the same time, one can notice a certain evolution in the interpretation of the main elements of the calendar prose. The main event at the beginning of the story is the miracle of transformation of the hero, an ordinary person, into the Father Frost, a magician, who gives presents and makes desires come true. However, the motif of helping the poor and disadvantaged, common for the Christmas stories of the 19th and early 20th centuries, is hardly used in "The True Story...". That allows suggesting the evolution of the content of this kind of prose. As a result, "The True Story of..." can be attributed to the genre of a Christmas fairy tale that combines elements of flash calendar fiction and of a great novel.

Keywords: genre, fairy tale, story, calendar prose, Christmas story, yuletide story, New Year story

References

1. Aleksandrov L. G. From a Yuletide Story to a Christmas One: The Evolution of Mysterious Motifs in the Russian Journal "New Year Plot". In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region [Proceedings of Institutions of Higher Education. The Ural Region]*, 2009, no. 2, pp. 44–49. (In Russ.)
2. Dushechkina E. V. *Russkaya elka: Istoriya. Mifologiya. Literatura [The Russian New Year Tree: History. Mythology. Literature]*. St. Petersburg, Norint Publ., 2002. 414 p. (In Russ.)
3. Dushechkina E. V. *Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra [The Russian Yuletide Story: Formation of Genre]*. St. Petersburg, The Publishing Department of the Language Center of St. Petersburg State University, 1995. 256 p. (In Russ.)

4. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 249–261. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed 10 July 2017) (In Russ.)
5. Neyolov E. M. Genre Specificity of Fantastic Literature Revisited. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [*Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities*], 2008, no. 1 (91), June, pp. 100–105. (In Russ.)
6. Sarygina N. N. Christmas Story as a Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992, issue 2, pp. 113–127. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2365> (accessed 10 July 2017) (In Russ.)
7. Serman I. Z. Miracle and Its Place in Historical Narrative of the 17th–18th Centuries. In: *Russkaya literatura*, 1995, no. 2, pp. 104–114. (In Russ.)
8. Timanova O. I. Genres of Calendar Literature and a Russian Literary Tale of the 19th Century. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Tomsk State University Journal*], 2008, no. 315, pp. 28–35. (In Russ.)
9. Lelyavskaya M. G. Christmas and New Year in Children's Books of Russian Writers of the 19th and the 21st Centuries. In: *Mirovaya slovesnost' dlya detey i o detyakh. 20-ya Vserossiyskaya konferentsiya* [*World Literature for Children and About Children. The 20th All-Russian Conference*], 2016, issue 22, pp. 126–133. (In Russ.)